

Сергей Алексеевич Белокуров

Адам Олеарий о греколатинской школе Арсения грека в Москве в XVII в. Сергей Алексеевич Белокуров

Свидетельство Олеария. – Мнения по этому вопросу наших историков: арх. Амвросия, митр. Евгения, архиеп. Игнатия, А.В. Горского, архиеп. Филарета, С.К. Смирнова, С.М. Соловьева, П. Знаменского, Мирковича, Н.Ф. Каптерева, Колосова, митр. Макария и И.Е. Забелина. – Разбор мнения последнего. – Вывод из обзора мнений. – Сношения Москвы с Востоком по вопросу об открытии в Москве греческой школы. – Вывод. – Разбор свидетельства Олеария. – Reisebeschreibung (описание путешествия) Олеария. – К какому году свидетельство Олеария относится и кого он разумеет? Арсений грек – деятель времени патриарха Никона. – Заключительные выводы.

У известного путешественника по России в XVII столетии голштинца Адама Олеария, бывшего в России в 1634, 1636, 1638 – 39 и 1643 годах, находится одно довольно любопытное свидетельство о школе Арсения грека в 22-й главе III-ей книги описания его путешествия, главе «О русском письме, языке и училищах». Олеарий, сказав о том, что русские в своих училищах обучаются читать и писать исключительно на своем русском и очень редко на славянском языке и что никто из них – ни духовные лица, ни светские, ни высшего, ни низшего состояния люди ни слова не знают ни по-гречески, ни по-латыни, Олеарий к этому прибавляет: «впрочем в настоящее время к не малому удивлению надо заметить, что по распоряжениям патриарха и великого князя русское юношество начинают обучать греческому и латинскому языкам. Для этого близ патриаршего двора учреждена уже латинская и греческая школа, которой заведует и управляет один грек по имени Арсений»¹.

Лица, занимавшиеся изучением и разработкой русской истории, жившие в XVIII столетии, или совсем умалчивают об этой греколатинской школе Арсения грека или ограничиваются весьма кратким сообщением о ней – сообщением, которое не дает возможности составить хоть самое поверхностное понятие об этом столь выдающемся явлении в

жизни русского общества². Только в сочинениях писателей настоящего XIX столетия мы встречаем более подробные, хотя тоже далеко не вполне удовлетворительные, сведения по этому вопросу.

Эти сведения о школе Арсения грека мы прежде всего находим у автора «Российской церковной иерархии» арх. Амвросия и у митрополита Евгения в «Словаре о писателях духовного чина». Амвросий, говоря о школах и просвещении на Руси, сообщает³ что «со времен патриарха Филарета Никитича заведена при патриаршем доме в Чудове монастыре порядочная греко-славянская школа, *продолжавшаяся до основания Московской Академии*. Адам Олеарий, бывший 1633 года в свите голштинского посольства в Россию и Персию, свидетельствует в своих записках⁴, что он сам видел близ патриарших палат в Москве порядочную школу, в коей учителем тогда был Арсений грек и что царь и патриарх намеревались заводить греко-латинские школы в разных местах». Подробнее говорит митрополит Евгений в своем «Словаре о писателях духовного чина»⁵. «Арсений грек иеромонах, – читаем там, – основатель и учитель *греко-латино-славянской* школы при патриаршем дворе в царствование государя царя Михаила Федоровича и в бытность патриарха Филарета. Адам Олеарий, голштинского посольства в Россию и Персию, бывшего с 1633 до 1639 года, секретарь, свидетельствует в своих записках, что он сию школу и учителя видел и что в то время царь и патриарх намеревались и во многих местах Российского государства завести греко-латинские школы». Таким образом и арх. Амвросий и митрополит Евгений отнесли известное нам свидетельство Олеария о школе Арсения грека ко времени патриаршества Филарета, т. е. ко времени не позднее 1633 года (в этом году помер патриарх Филарет), основываясь на том соображении, что Олеарий де в 1633 г. был в России и в это время уже видел школу. В русской церковной истории действительно есть одно лицо, которому суждено было получить громкую известность в XVII столетии, лицо, которое и в свое время было известно под именем «Арсения грека» и за которым в истории укрепилось это имя «Арсения грека». В 1649 году этот Арсений грек был послан под начало для исправления православной христианской веры в Соловецкий монастырь; по миновании «урочных лет» патриархом Никоном был возвращен оттуда и сделался одним из доверенных лиц сего патриарха. По мнению митрополита Евгения, Арсений грек – деятель времени патриарха Никона – одно и то же лицо с тем Арсением греком, о котором, как учителе греко-латинской школы, говорит Олеарий. «Сей Арсений (т. е. учитель греко-латинской школы) был, – говорит митрополит Евгений, – ревностный обличитель

предрассудков к старинным славянским неисправным книгам и делал многое против того представления. Но за сие подпал гонению и от патриарха Иосифа в 1649 году сослан был в Соловецкий монастырь под крепкую стражу. Когда Никон вступил на патриаршество, то освободил его из заточения и определил смотрителем и справщиком книг в Московскую типографию». В настоящее время не может подлежать сомнению, что Арсений грек – деятель времени патриарха Никона – приехал в Россию только в 1649 году вместе с патриархом иерусалимским Паисием, о чем свидетельствуют те документальные об его приезде и ссылке в Соловецкий монастырь данные, которые находятся в «греческих» делах Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел⁶. Митрополиту Евгению они не были известны; а тем сказаниям, находящимся в нашей древнерусской письменности, в которых говорилось о приезде в Россию Арсения грека с иерусалимским патриархом Паисием в 1649 году, митрополит Евгений не поверил и одно из них назвал «сочиненною раскольниками ругательной статьей, присоединяемой иногда к Проскинитарию Суханова»⁷. Таким образом, по мнению арх. Амвросия и митрополита Евгения, 1) при патриархе Филарете уже существовала в Москве при патриаршем дворе греко-латинская школа и 2) учителем в ней был тот самый Арсений грек, который в 1649 году был послан в Соловки под начало и впоследствии оттуда возвращен патриархом Никоном.

Несколько иной взгляд высказал Игнатий архиепископ Воронежский в своем сочинении «Истина святой Соловецкой обители»⁸. Ему хорошо было известно сказание Соловецких старцев об Арсение греке, он считает сказание достоверным и признает согласно с ним, что Арсений приехал в Россию в 1649 году; но свидетельство Олеария, приведенное митрополитом Евгением, смущало его и чтобы как-нибудь примирить сказание Соловецких старцев со свидетельством Олеария преосвященный Игнатий предполагает, что Арсений грек действительно в 1633 году был учителем греко-латинской школы, но что он уклонился отсюда (из Москвы) на Афон по тем причинам, о которых говорит митрополит Евгений, и в 1649 году снова во второй раз он (Арсений) приехал в Россию с патриархом Паисием. Заключительный вывод преосвященного Игнатия будет тот же, что и митрополита Евгения: при патриархе Филарете была в Москве греко-латинская школа и учителем в ней был известный деятель Никонова времени – Арсений грек. Новое, внесенное преосвященным Игнатием 1) то, что Арсений грек два раза приезжал в Москву и 2) «Сказание Соловецких старцев» достоверно.

Осторожнее, чем митрополит Евгений, отнесся к свидетельству Олеария А.В. Горский, которому пришлось коснуться вопроса о школе Арсения грека в статье «О духовных училищах» (помещенной в III томе «Прибавлений к творениям святых отцев». М. 1845 г. стр. 154 – 156). «Первое греко-латинское училище, – говорит он, – поручено было надзору и управлению Арсения грека. Мы не можем определенно сказать, когда и кем оно было основано. Первый свидетель о существовании сего училища Адам Олеарий, бывший в России в 1633 – 34 годах, а потом еще в 1643 году, пишет о нем так...» И далее А.В. Горский передает совершенно верно само свидетельство Олеария, цитируя в примечании «Reisebeschreibung изд. в Шлезвиге 1647 с. 280. См. Strahl Gelehrt Russland s. 200»². «Сами выражения Олеария, – говорит А.В. Горский, – «недавно», «за несколько лет пред сим» (как стоит во французском переводе путешествия Олеария, изданном в Амстердаме в 1727 году) неопределенны; неизвестно – от какого времени должно считать назад». Но А.В. Горский не решается отнести открытие училища ко времени патриаршества Филарета. «На чем основывается, – говорит он, – сочинитель словаря о писателях духовного чина, когда говорит, что училище открыто еще при патриархе Филарете (1633) неизвестно». А.В. Горский так же, как и митрополит Евгений, считает Арсения грека Олеария и Арсения грека деятеля времени патриарха Никона за одно и то же лицо, и имеющемуся у раскольников особому современному сказанию об Арсении греке деятеле времени патриарха Никона и об его приезде в Москву с патриархом Иерусалимским Паисием в 1649 году не верит именно потому, что его (Арсения) «в таком случае не мог знать Олеарий, которого книга издана в 1647 году...». «Едва ли можно доверять, – говорит далее А.В. Горский, – рассказам и обвинениям, взводимым раскольниками на Арсения грека: патриарх Никон едва ли бы стал держать при себе человека столь сомнительного православия... Достовернее то, что Арсений не долго заведовал сим училищем; в 1649 году он был сослан в Соловецкий монастырь, откуда впоследствии был возвращен патриархом Никоном и назначен помощником Епифания Славинецкого, начальника патриаршего училища». А.В. Горский таким образом согласился с митрополитом Евгением только в том, что Арсений грек, по Олеарию, учитель греко-латинской школы одно и то же лицо с известным деятелем при патриархе Никоне Арсением же греком, но разошелся в вопросе о времени открытия школы, которая, по мнению А.В. Горского, неизвестно когда открыта, но только в 1647 году уже была.

Новое оригинальное мнение в вопросе о школе Арсения грека

высказал Филарет архиепископ Черниговский в своей «Истории русской церкви»¹⁰. Он признает, что при патриархе Филарете основана была патриаршая греко-латинская школа в Чудове монастыре и ссылается также на «Reisebeschreibung (Олеария), изданное в Шлезвиге 1647 р. 280», но учителем в ней, по его мнению, был не известный деятель Никонова времени Арсений грек, а Арсений Глухой, – тот самый грамматик, говорит архиепископ Филарет, который страдал пред тем за ревность свою к просвещению, так как де Арсений грек, как видно из труда¹¹ преосвященного Игнатия архиепископа Воронежского, приехал в Москву только в 1649 году и следовательно не мог быть учителем греко-латинской школы при патриархе Филарете. Что же касается названия Арсения Глухого *греком*, то, по мнению архиепископа Филарета, Олеарий, если не ошибся, назвал Арсения Глухого так потому, что он (Арсений) был учителем *греческого* языка, т. е. Арсений Глухой – грек не по происхождению своему, а по роду своих занятий *греческим* языком¹².

Но мнение Филарета Черниговского не всеми было принято. Автор «Истории Московской славяно-греко-латинской академии» (М. 1855 г.) С.К. Смирнов в первой главе своего образцового труда, говоря о школах в XVII веке в Москве, возвращается опять к мнению митрополита Евгения. Он согласно с ним признает существование в Москве греко-латинской школы при патриархе Филарете (цитата тоже Reisebeschreibung, изд. в Шлезвиге 1647 с. 280) и учителем в ней считает не Арсения глухого, а Арсения грека, посланного в 1649 году в Соловки под начало и возвращенного патриархом Никоном. Этому же мнению держится и священник Михайловский в своем труде «Жизнь святителя Никона патриарха Всероссийского»¹³ К повторениям сказанного А.В. Горским и митрополитом Евгением священник Михайловский присоединяет от себя: «принимать Арсения, на которого указывает Олеарий, за одно лицо с Арсением Глухим, нельзя без отступления от прямого смысла слов Олеария, который говорит ясно, что школа вверена надзору и управлению грека, по имени Арсений. Арсений Глухой, хотя знал хорошо греческий язык, но все же был русский, и Олеарию не было причины называть его греком».

С мнением Филарета архиепископа Черниговского вполне согласился С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» (т. IX, с. 457. М. 1859 г.). По его словам, патриарх Филарет, удовлетворяя потребности в науке, понадобившейся государству для охранения целостности и самостоятельности своей от иностранцев более искусных и потому более сильных, а церкви для охранения чистоты своего учения от людей

подобных Логину и Филарету, патриарх Филарет заводит в Чудове монастыре греко-латинское училище, которое де поручено было известному исправителю книг Арсению Глухому. Согласно же мнения с Филаретом архиепископом Черниговским держался и П. Знаменский в первых изданиях своего «Руководства к русской церковной истории»¹⁴.

Вопроса о школе Арсения грека коснулся также и г. Миркович в статье «О школах и просвещении в патриарший период»¹⁵. Относительно времени открытия греко-латинской школы Арсения грека он не приходит ни к каким положительным результатам. По его мнению, Олеарий¹⁶ «во всяком случае разумеет не того Арсения, которому в 1615 году поручено было исправление требника. С большею вероятностью, говорит он, можно полагать, что Олеарий разумеет Арсения грека, прибывшего в Москву вместе с Паисием, патриархом Иерусалимским в 1649 году» (с. 4)... «Гораздо легче (чем то, что Арсений Глухой одно лицо с Арсением греком) допустить, говорит он через несколько страниц (с. 10 – 11), что Арсений грек, приехавший в Москву с иерусалимским патриархом Паисием в 1649 году, заведовал тем училищем, о котором упоминает Олеарий, тем более, что Олеарий в 40-ых годах XVII века был в Москве»... Таким образом, по мнению г. Мирковича, Арсений грек Олеария – не Арсений Глухой, как думал Филарет Черниговский и другие, а Арсений грек, деятель времени патриарха Никона. Но г. Миркович не объясняет: каким образом об Арсени, приехавшем в 1649 году, Олеарий мог писать не позднее 1647 года¹⁷? Относительно времени открытия греко-латинской школы, о которой говорит Олеарий, у г. Мирковича находим следующие рассуждения: 1) вероятнее, разумеется, Арсений грек, приехавший в 1649 году, а до этого де времени, по мнению Олеария, училищ не существовало (с. 4)... 2) через три страницы: со времени учреждения патриаршества до 30 годов XVII столетия не было в Москве училищ (с. 7)... 3) в каком году и кем именно основана была школа Арсения грека, приехавшего в 1649 году, достоверно неизвестно (с. 9)... Таким образом заключительные выводы г. Мирковича, *кажется*, будут таковы: 1) Олеарий говорит об Арсени греке, приехавшем в 1649 году в Москву и 2) школа, в которой он был учителем, была основана кем-то ранее, но когда – неизвестно¹⁸.

В 1881 году почти одновременно появились две статьи об Арсени греке: одна – Н.Ф. Каптерева – в июльской книжке «Чтений в Обществе Любителей Духовного Просвещения» (с. 70 – 96), а другая – В. Колосова, в сентябрьской книжке «Журнала Министерства Народного Просвещения» (с. 77 – 93); обе написаны по документам Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел (по «греческим» делам). Н.Ф. Каптерев,

излагая дело о приезде Арсения грека в Москву и ссылке в Соловки в 1649 году, сообщает сведения и о попытках Московского правительства во второй четверти XVII века, найти учителя для греческой школы и о самих учителях, являвшихся в Москву. С одной стороны, ничего не говоря о существовании школы Арсения грека при патриархе Филарете, а с другой стороны, сообщая сведения об его приезде в Москву в 1649 году, он тем дает понять, что, по его мнению, никакой греко-латинской школы Арсения грека при патриархе Филарете не было (свидетельство Олеария об этой школе он совсем обходит молчанием). Те же сведения им были повторены и в исследовании: «Характер отношений России к православному востоку в XVI – XVII веках» (М. 1885 г. с. 207 – 217. Сперва было помещено в «Чтениях Общества Любителей Духовного Просвещения» за 1883 – 84 гг.).

Г.В. Колосов, излагая те же самые сведения об Арсении греке из «греческих» дел Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел, касается подробнее вопроса о школе Арсения грека. Арсений, по его мнению, сосланный в 1649 году в Соловки, был вызван оттуда в 1652 году и ему было поручено «риторское учение» русского юношества. Патриарх отдал ему под духовное заведывание, говорит В. Колосов, вновь устроенную им школу. Это происходило в 1652 году. Об этом самым ясным образом свидетельствует Олеарий... В издании 1647 года Олеарий ни слова еще не говорит об этой школе и свидетельство о ней впервые появляется только во втором издании 1656 года и затем перепечатывается в издании 1663 года. Отсюда становится более чем очевидным, что это свидетельство относится ко времени патриарха Никона и в частности к 1652 году, когда Арсений был освобожден из Соловок» (с. 87 – 88)... Таким образом и В. Колосов пришел к выводу, что при патриархе Филарете никакой греко-латинской школы Арсения грека в Москве не существовало, а она открыта уже при патриархе Никоне, именно в 1652 году, и что об этой-то именно школе (Никоновской) и говорит Олеарий во втором издании описания своего путешествия в Московию и Персию.

Мнение по вопросу о школе Арсения грека, вполне согласное с мнением В. Колосова, высказал и митрополит Макарий в своей «Истории Русской церкви»¹⁹. В одном из примечаний к XI тому (Спб. 1882 г.) митрополит Макарий, касаясь вопроса (с. 73) о школе Арсения грека при патриархе Филарете, говорит, что «Олеарий был в Москве не только в 1634, но и в 1636 и 1639 и 1643 годах и после, и в первом издании своей книги, т. е. Шлезвигском 1647 г. на стр. 280, о греко-латинской школе в Москве вовсе не упоминает. Он говорит об этой школе уже в издании

своей книги 1656 года, весьма много дополненном, и разумеет, конечно, школу, заведенную в Москве патриархом Никоном, о котором также упоминает в этом издании, и находившуюся под управлением известного Арсения грека (См. Олеария в «Чтениях Императорского Общества Истории и Древностей с. 308, 310, а также предисловие к этому переводу»). А в XII томе своей истории (СПб. 1883 г.) митрополит Макарий подробно излагает дело Арсения грека, говорит об его приезде в 1649 году в Москву и отпращивании в Соловки (с. 155 – 165), о возвращении его патриархом Никоном из Соловок в Москву и назначении учителем греко-латинского училища, основанного патриархом Никоном. К этому времени, ко времени патриаршества Никона митрополит Макарий и относит открытие греко-латинской школы, о которой говорит Олеарий (с. 280 – 281).

Тому лицу, которому после митрополита Макария пришлось бы говорить о греко-латинской школе Арсения грека, следовало бы или принять новое мнение относительно времени открытия этой школы или в виду сообщенных за последнее время новых данных, совершенно противоположных существовавшим, – подвергнуть пересмотру как свидетельство Олеария, так и вообще весь вопрос о школе Арсения грека. Но оказывается, что не все делается так, как должно бы делать. И.Е. Забелин в речи своей под заглавием «Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки» (Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских, за 1886 г. кн. IV, с. 1 – 24), произнесенной в торжественном заседании Императорского Общества Истории и Древностей Российских, по поводу двухсотлетней годовщины рождения историка В.Н. Татищева, говоря о просвещении наших предков, коснулся вопроса и о греко-латинской школе Арсения грека. «Крайняя потребность в науке, – говорит г. Забелин, – выразившаяся на первое время потребностью, собственно типографскою, для приготовления знающих справщиков, ученых корректоров, стала очевидною для всех. Начались попытки завести школу для этой цели. При патриархе Филарете была учреждена греко-латинская школа в Чудове монастыре под руководством грека Арсения; но учитель чрез несколько лет на одинокой и потому утлой своей ладье потонул в глубине всеобщего невежества и при патриархе Иосифе был сослан в Соловецкий монастырь. Говорили про него, что он волхв, еретик, звездочет, исполнен скверны и смрада иезуитских ересей. Такими характеристиками встречались тогда все знающие и ученые люди. При Никоне он был возвращен и определен по-прежнему смотрителем и справщиком книг в типографии и занимался у патриарха

переводами с греческого». (Об учительстве Арсения грека в это время г. Забелин не говорит ни слова). Конечно, эти слова в устах митрополита Евгения, в начале XIX столетия, при состоянии в то время науки Русской истории, были естественны, но слышать повторение их в 1886 году по меньшей мере... удивительно, потому что в настоящее время нет никакого сомнения в том, что все они от первого до последнего составляют *чистейшую ложь*.

Прежде всего ошибочна мысль, что причиной открытия школы Арсения грека была нужда в знающих справщиках, ученых корректорах, как говорит г. Забелин. Если справщики – ученые корректоры только, то для чего же нужно было им знание греческого и латинского языков? Ведь никаких греческих и латинских книг в то время на Московском печатном дворе не печатали; а славянские книги справщики-корректоры могли вполне исправно *прокорректировать* и без знания этих языков. Таким образом открывать училище для обучения корректоров славянских книг греческому и латинскому языкам – не имеет смысла. И на самом деле школа Арсения грека вовсе не для этого была открыта, как видно из слов Олеария, свидетельство которого очевидно осталось неизвестным г. Забелину. Олеарий прямо и ясно говорит об обучении *русского юношества* греческому и латинскому языку, а не справщиков будущих ли то или настоящих.

В настоящее время не может подлежать никакому сомнению, что известный в нашей русской истории XVII столетия деятель Арсений грек приехал в первый раз в Москву в 1649 году с Иерусалимским патриархом Паисием. Каким же образом *этот* Арсений грек мог быть учителем греко-латинской школы при патриархе Филарете? И не быв сим учителем, как он мог «потонуть на одинокой и потому утлой своей ладье в глубине всеобщего невежества и быть сосланным в Соловки?». Очевидно учителем греко-латинской школы при патриархе Филарете должно быть какое-либо *другое* лицо, если только школа в то время была.

Точно также неверно г. Забелин говорит, что про Арсения грека по поводу его педагогической деятельности стали говорить, что он волхв, еретик, звездочет и т. д. Очевидно, что И.Е. Забелину известно только (вероятно из словаря митрополита Евгения) существование этих сказаний, но содержание их для него *terra incognita*. Про Арсения грека действительно сложено немало сказаний. Но кем? Раскольниками и вообще лицами, восставшими против реформ патриарха Никона. И не по поводу педагогической деятельности Арсения грека сложены эти сказания, а по поводу его трудов по исправлению богослужебных книг; и притом

трудов его по возвращении из Соловков, а не до отправления туда.

Еще. Каким образом патриарх Никон *по-прежнему* мог назначить Арсения грека смотрителем и справщиком на Московский Печатный Двор, когда Арсений никогда раньше не занимал и не мог занимать подобных должностей? И что такое за должность «смотрителя» Московской типографии, о существовании какой-либо должности мы нигде не встречали никаких сведений, которых мы даже не нашли и у почтенного Вас. Егор. Румянцева в его прекрасных трудах по истории Московского Печатного Двора?

Все эти несообразности в речи г. Забелина, произнесенной в торжественном заседании Императорского общества Истории и Древностей Российских, единственно объясняются только тем, что г. Забелин совсем не был знаком с положением в науке русской истории того вопроса, о котором он говорил, потому что иначе он не стал бы утверждать то, что давным-давно отвергнуто, нелепость чего уже давно доказана. Я уже не говорю о том, что ему остались очевидно неизвестными статьи об Арсении греке Н.Ф. Каптерева и В. Колосова. Но г. Забелиным также не было читано и исследование Н.Ф. Каптерева, прямо относившееся к предмету его речи. И даже «Историю русской церкви» митрополита Макария постигла та же участь: г. Забелиным не были читаны не только те два (XI и XII) тома ее, в которых он мог найти сведения по предмету своей речи, но даже и те немногочисленные (всего-навсего *три*) страницы этих томов, на которых шла речь об Арсении греке и его школе... Относительно главного вопроса, вопроса о времени открытия школы Арсения грека, г. Забелин, давая положительный ответ о существовании этой школы при патриархе Филарете, не указывает источника, на который он опирается в данном случае. Но конечно этот источник тот же, который и у того его предшественника, от которого г. Забелин получил сведения о школе Арсения грека...

Таковы мнения, высказанные в нашей исторической литературе по вопросу о времени открытия греко-латинской школы Арсения грека, существовавшей в Москве в XVII столетии. Как мы видели, главным источником сведений о ней служит свидетельство Адама Олеария. Так как Олеарий в 1633 году был в России, то к этому году свидетельство его о школе Арсения грека и было отнесено нашими первыми историками, по мнению которых, эта школа существовала уже при патриархе Филарете и учителем в ней был известный деятель времени патриарха Никона – Арсений грек. С течением времени сделалось известным содержание сказания Соловецких старцев об Арсении греке, и наши писатели были

поставлены в недоумение кому верить – Олеарию ли или «сказанию», в котором говорилось о приезде Арсения грека в Москву в 1649 году? Большая часть писателей вслед за Филаретом Черниговским признала достоверным то и другое – и свидетельство Олеария, и «сказание» Соловецких старцев – и стала утверждать, что учителем в греко-латинской школе, которая де существовала при патриархе Филарете (Олеарий), был Арсений Глухой, так как де известный деятель времени патриарха Никона Арсений грек только в 1649 году приехал в Москву и след. не мог быть учителем при патриархе Филарете (сказание). Меньшая часть писателей, заподозрив подлинность и достоверность «сказания» и в частности приезда Арсения грека в Москву в 1649 г. осталась при прежнем мнении, что учителем греко-латинской школы, существовавшей де при патриархе Филарете, был известный деятель времени патриарха Никона Арсений грек. Вместе с тем появилось и другое мнение относительно времени открытия школы, именно, что она открыта не при патриархе Филарете, а неизвестно когда, но «только в 1647 году уже была, так как де о ней говорит Олеарий в своей книге, изданной в 1647 году». Такое колебание по вопросу о школе Арсения грека продолжалось до тех пор, пока не были обнародованы документальные данные о приезде Арсения грека в Москву в 1649 году и пока не сделалось более известным Reisebeschreibung Олеария через перевод на русский язык. Теперь не подлежало уже сомнению, что известный деятель времени патриарха Никона – Арсений грек приехал в Москву только в 1649 году, и кроме того сделалось известным, что во втором издании (1656) описания путешествия Олеария находится много такого, чего нет в первом издании; вследствие чего и вопрос о школе Арсения грека получил новое решение. Новейшие исследователи (Колосов и митрополит Макарий) стали утверждать, что Олеарий говорит об известном деятеле времени патриарха Никона – Арсенин греке, и что этого свидетельства Олеария о школе Арсения грека нет в первом издании описания путешествия его, так как оно издано в 1647 году, а Арсений грек приехал в Москву в 1649 г., что оно внесено Олеарием во второе издание и относится к позднему времени, ко времени патриаршества Никона²⁰. К такому выводу (что свидетельства Олеария нет в первом издании его Reisebeschreibung) исследователи пришли путем чисто априорным, на основании рассудочных данных; никто из них ни г. Колосов, ни митрополит Макарий в действительности не читал первого издания описания путешествия Олеария. Решив, что Олеарий говорит об известном деятеле Никонова времени Арсенин греке, и зная, что он приехал в Россию в 1649 году, они и сделали заключение, не

читав книги, что свидетельства Олеария нет в первом издании описания его путешествия. Если бы они действительно при своем выводе обращались к первому изданию, то они не ограничились бы тем кратким заявлением, которое они сделали; они сделали бы какие-либо замечания относительно самой цитаты свидетельства Олеария, находящейся у прежних исследователей, сказали бы, могло ли действительно быть на этой странице упомянутое свидетельство, быть может, объяснили бы появление этой цитаты у столь известных историков, как Филарет Черниговский, А.В. Горский и др..., что все сделать было бы совершенно естественно и даже необходимо по поводу тех сведений, которые открываются (как увидим ниже) из первого издания Reisebeschreibung Олеария. Кроме этих соображений доказательством того, что митрополит Макарий действительно не читал первого издания описания путешествия Олеария, служат и сами слова его. Говоря о том, что свидетельства Олеария о школе Арсения грека нет в первом издании, митрополит Макарий в примечании цитирует не ту страницу описания путешествия Олеария, на которой оно должно бы или могло бы быть (сообразно с тем, где оно находится во втором издании), а... предисловие П. Барсова к русскому переводу, в котором (предисловии) между прочим говорится и о том, что во второе издание описания путешествия Олеарием внесено много новых известий, которых нет в первом издании. Эта цитата митрополита Макария показывает – откуда митр. Макарий получил сведения о разнице между изданиями Reisebeschreibung Олеария и в то же время служит наглядным доказательством того, что митрополит Макарий вовсе не читал первого издания описания путешествия Олеария, а руководился при своем выводе, как и г. Колосов, чисто рассудочными данными.

Конечно, *подлогом* было заменять Арсения грека Арсением Глухим; но достаточно ли твердо и настоящее мнение, его основания? *Предполагают*, что Олеарий говорит об известном деятеле времени патриарха Никона Арсени греке; но из чего это видно, что речь идет о нем именно? Быть может Олеарий вовсе *не этого* разумеет грека Арсения? Разве мало было *греков Арсениев*? В таком случае время приезда известного деятеля времени патриарха Никона Арсения грека не может иметь решающего значения в вопросе о времени открытия греко-латинской школы Арсения грека. Какой-либо *другой* грек Арсений мог быть и при патриархе Филарете учителем греко-латинской школы и о нем Олеарий мог говорить и в первом издании описания своего путешествия. Подобные замечания могут быть сделаны против тех оснований, на

которых утверждается существующее в настоящее время мнение о времени открытия греко-латинской школы Арсения грека. Таким образом вопрос о времени, когда она открыта, еще нельзя назвать решенным окончательно. И теперь совершенно естественны вопросы: когда она открыта при патриархе ли Филарете, или при патриархе Никоне, или быть может «неизвестно когда»? А вместе с этим вопросом связан конечно и другой вопрос: кого разуметь под Арсением греком, о котором говорит Олеарий, Арсения ли Глухого, или известного деятеля времени патриарха Никона Арсения грека, или быть может иного какого-либо, нам пока неизвестного, грека Арсения? Решением этих вопросов мы и займемся.

Прежде всего сам вопрос о существовании *греко-латинской* школы в Москве в первой половине XVII столетия не должен казаться нам странным и удивительным, каким он казался Олеарию в свое время. Восточные патриархи не раз указывали Московским царям на необходимость завести в Москве греческую школу. Сильвестр патриарх Александрийский, еще в 1585 году писал царю Феодору: «составь училища и поставь наказателя, чтобы в нем учились греческой грамоте и были бы научены от многих божественных книг всей мудрости Божией православной веры». О том же писал и преемник Сильвестра патриарх Мелетий Пигас в 1593 году: «устрой у себя, царь, греческое училище, как живую искру священной мудрости, потому что у нас источник мудрости грозит иссякнуть до основания». Но ни откуда не видно, чтобы желания патриархов были исполнены тогда же или вскоре после того. Известно только, что лет чрез тридцать после сего и именно в конце патриаршества Филарета (в 1632 г.) Московское правительство обратилось к Константинопольскому патриарху Кириллу Лукарису с просьбой прислать вполне православного учителя для будущей школы. Но учитель явился в Москву сам – неожиданно и скорее, чем думало Московское правительство. 7 сентября 1632 года приехал в Москву протосингел александрийского патриарха Иосиф вместе со своим дьяконом Григорием. Его убедили остаться в Москве навсегда; и 19 сентября того же года выдали ему грамоту, в которой повелевалось ему «служити духовными делы, переводити ему греческие книги на словенский язык и учити на учительном дворе малых робят греческого языка и грамоте; да ему ж переводити книги с греческого языка на словенский язык на латинские ереси»²¹. Как можно судить по дальнейшим фактам, Иосиф занимался более (если не исключительно) переводом книг, чем школой, которой он уделял немного времени. Почти через год по приезде Гавриила в Москву Кирилл Лукарис в грамоте к царю и патриарху вместе с тем (от 30 июня

1633 года, полученной 8 декабря) писал: «Да послали есмя к преблаженству твоему одну книгу Варинос да Схолария да Енадия то есть три библии супротив латин; да другие три же библии господина Мелентия патриарха Александрийского. И их увидит преподобный протосингел господин Иосиф, – он же учинил разумно и свято, что остался на имя ваше великого Государя и преблаженства твоего, а мы его здесь всегда почитали и чтили, яко учителного и честного мужа, – и тако покажет желание свое те книги перевести на русский язык... А ныне бы протосингел Иосиф с тех книг перевод писал, сколько он может, как я писал к нему от себя в грамоте моей. Дай великосильный Бог, яко да сподобит и достальные те книги перевести»²²... Мне кажется, что Иосиф, оставшись на жительство в Москве, исключительно только и занимался переводом книг с греческого языка на русский. Впрочем школа Иосифа во всяком случае не долго и просуществовала (если только она была), потому что учитель ее вскоре помер. 24 февраля 1634 года царь Михаил указал дать на поминовение в Симонов монастырь по протосингелу Иосифу «для его многие службы»²³; а сотрудник Иосифа дьякон Григорий умер еще ранее Гавриила – 14 января 1633 года²⁴.

Между тем поиски на востоке Кириллом Лукарисом подходящего учителя для Московской школы были не особенно успешны. «Я ныне, – писал в декабре 1633 года Лукарис царю Михаилу и патриарху Филарету, – хотел было прислати к вам, великим государям, учителя Кирьяка от св. Афонския горы, и тот Кирьяк ехать не возмог, потому что он стар и бессилен; а сказывал мне архимандрит Амфилофей, чтоб прислати к вам, великим государям, иного учителя и я учну вперед сыскивать»²⁵. Смерть, постигшая вскоре Кирилла Лукариса, прекратила его поиски учителя для Московской греческой школы, который так и не был им найден.

Кроме восточных патриархов об открытии греческой школы в Москве хлопотал в сороковых годах XVII столетия и Киевский митрополит Петр Могила. В грамоте к царю Михаилу он просит даже соорудить в Москве особый монастырь, в котором бы киевские старцы обучали русских юношей «греческой и славянской грамоте». «Пожалуй царь, – писал он царю Михаилу, – паче всех прошений своих» (грамота получена в Москве 3 апреля 1640 года) и «повели в царствующем своем граде благодатию и казною своею царскою монастырь соорудить, в котором бы старцы и братия общежительного Киевского братского монастыря живучи,.. Бога молили и детей боярских и простого чину грамоте греческой и славянской учили. Дело то Богу угодно будет и твоему царскому величеству честно и во всех странах преславно. И нынешний Волосский воевода Василий добре

позна, какова мзда от Бога Вседержителя для воздвиженья училищ от благоговейных и православных учителей бывает, а в Польском государстве преславный пожиток дитем боярским родится; и для того колико кротким писанием своим молил смиренного отца митрополита Киевского, чтоб ему послал благообразных иноков и добре ученых учителей, что и получил. Аще возможно и величеству твоему в сем прошении отца митрополита Киевского пожаловати благодатно... по своей воли сотвори, а отец митрополит Киевский твою государскую волю вскоре исполнит и старцов со учителями пришлет»²⁶. Но это желание Петра Могилы было приведено в исполнение только через несколько лет, хотя Московское правительство и в это время не покидала мысль об открытии греческой школы в Москве.

Через 5 лет после получения в Москве грамоты митрополита Петра Могилы, именно в марте 1645 года прибыл в нее Палеопатрасский митрополит Феофан, посланный патриархом Константинопольским Парфением II в Москву для испрошения милостыни. В июне этого года он представил царю Михаилу челобитную²⁷, в которой сильными и яркими красками описывал бедственное состояние духовного просвещения на востоке, порчу святоотеческих творений, печатаемых в типографиях немецких и латинских, насмешки врагов православия над греками и убеждал Государя устроить в Москве греческую типографию и школу. «Да повелиши быть греческой печати, – писал он, – и приехати греческому учителю учить русских людей философства и богословия греческого языку и по русскому; тогда будут переводить многие книги греческие на русской язык, которые не переведены, и будет великое надобье на обе стороны и великая доброта, потому да и гречане будут освободитца от лукавства еретиков, да исполнятца во всем мире православные христианские книги и не будет нужны теми составленными римскими и люторскими книгами; а здесь исполнятца древние книги, будут их печатать и переводить на русской язык прямо, подлинно и благочестиво... И будет производить царствие ваше быть сему боголюбивому делу и повелиши написати свою царскую грамоту к богомольцу великого вашего царствия ко вселенскому патриарху Константинопольскому Парфению, как изволит царствие ваше быти, а он будет радети и совершит произволение великого вашего царствия со всею радостью, потому что, державный царю, не токмо будет радоватися вселенский патриарх, но и прочие святейшие патриархи и митрополиты и архиепископы и епископы и прочие христиане будут радоватися и молити Бога день и ночь о великом вашем царствии, а недруги веры наша посрамятца. Посем, державный великий царю, егда будет произволение великого вашего царствия быти, как Бог известит

души и сердцу вашему, и будет прислати вселенский патриарх Парфений к царствию вашему учителя благочестивого и богобоязново и надобных книг и иное что нужно надобно но вашему царскому повелению. А яз богомолец и верный раб царствия вашего обещаюся пред Богом послужити и радети к сему делу и иное, что повелит великое ваше царствие, послужити всею душою и всем сердцем. Сие извещаю, державный царю, великому вашему царствию Божиим наставлением, да не явлюся докучник к державному вашему царствию, потому что сие дело не одному мне надобно, но и всем православным христианам»²⁸. Митрополиту Феофану Московским правительством поручено было отыскать человека знакомого с печатным делом и способного к переводу книг с греческого языка на русский. На обратном пути из Москвы Феофан встретился в Киеве со своим давним знакомцем цареградским архимандритом Венедиктом, занимавшимся преподаванием греческого языка в коллегии Петра Могилы, и убедил его отправиться в Москву – куда тот и прибыл в марте 1646 года²⁹. Венедикту поручено было в Москве заниматься переводом латинских книг, и он с толмачем своим Ивашкою Соболевым перевел «Книгу об Индийском царстве». Постоянные просьбы Венедикта о милостыни, гордый и назойливый его характер надоели наконец в Москве; на челобитные его составлен был письменный ответ с замечаниями о величии звания учителя и с припоминанием заповеди Спасителя не называться учителем, не искать себе свидетельства от внешних и не писать похвал самому себе. И он вскоре же должен был уехать из Москвы³⁰.

Отослав Венедикта назад, Московское правительство в то же время поручило греку Ивану Петрову, своему тайному политическому агенту в Турции, подыскивать для Московской школы нового учителя. Учитель, найденный им, был известный Мелетий Сириг. «Еще даю ведомость, пресвятительству вашему, – писал Иван Петров патриарху Иосифу 28 июня 1649 года, – о некотором учителе смышленном еллинскому языку и рассудителя евангельскому слову и имя ему Мелентей, прозвище Сириг, что такова учителя второго не обретаецца во всей вселенной и ни в котором месте; и дал свое слово, хотел прийти сюда ко благочестивому царю и к святейшеству вашему. А будет произволение благочестивого царя и великого князя Алексея Михайловича самодержца всея Руси и произволением святительства вашего изволите дати грамоту мне, да он придет сюда и челом бью, да мне о том учини указ и подай ответ»³¹. Но Мелетий Сириг не прибыл в Москву.

С просьбою прислать учителя для школы Московское правительство в середине XVII столетия обращалось и к восточным патриархам

непосредственно, которые и прислали в Москву «мудрого митрополита Напакты и Арты Гавриила». Он «и богослов и православный в роде нашем, – писал Константинопольский патриарх Иоанникий, – и что произволит великое ваше царствие от него вопросити от богословия и изыскания церковного, о том будет ответ держати благочестно и православно». «Повелели нам, богомольцу вашему, – писал Иерусалимский патриарх Паисий, – радети и обрести единого учителя премудрого и православного и не имел бы никакого пороку в благочестивой вере и был бы далече от еретиков и послати б нам его ко святому вашему царствию поклонитися, да учинит учительство и учить еллинский язык, якоже она есть древня от иных язык, понеже она корень и источник иным. И сего ради избрали есми достойного о таком деле, яко сего прсосвященного митрополита Напакты и Арты пречестного экзарха всея Италии премудрого учителя и богослова великия церкви Христовы, о святом Духе возлюбленного брата нашего и сослужителя нашего смирения, господина Гавриила; якоже такова в нынешних временах в роде нашем не во многих обретаецца... А только будет произволит царствие ваше быти *учительству*, якоже выше сего рекли есмя, и он готов есмь побыти, колико время ему возможно; а мы ему такоже обещалися, чтоб ему имети волю свою. А будет благодарить великое ваше царствие, и он побудет и многое время, покаместа *ученики* от него отойдут и противлятися будут с еретиками и ответы будут давати обо всяком вопросе. И будет благодаритися великое ваше царствие и все бояре и князи и будещи оставити вечное воспоминание в похвалу и славу от всех царств и королевств»³². 8 декабря 1650 года митрополит Гавриил вместе со старцем Арсением Сухановым прибыл в Москву. Но пробыл здесь недолго: вскоре после 31 марта 1651 года он выехал из Москвы. Во время своего пребывания в Москве Гавриил очень понравился Московскому правительству, «многожды ему говорили», чтобы он остался в Москве на жительство. Когда Суханов уезжал из Москвы в последних числах февраля месяца 1651 года, ему велено было сказать патриарху Паисию от имени царя, чтобы он (Паисий) употребил все свое влияние на Гавриила, «хотя бы понудил, остаться жить у Государя на Москве». Но патриарх Паисий не мог оказать никакого влияния на это, потому что Гавриил, вскоре по отъезде из Москвы Суханова, тоже выехал из Москвы.

Таковы известные в настоящее время документальные сведения о сношениях Московского правительства с восточными патриархами относительно открытия в Москве греческой школы в первой половине XVII столетия. Они показывают, что Московскому правительству восточные патриархи постоянно внушали мысль об открытии в Москве

греческой школы, что Московское правительство не безучастно относилось к этой мысли и прилагало со своей стороны старания к осуществлению ее на деле. Таким образом существование в Москве в первой половине XVII столетия греческой школы Арсения грека или Арсения Глухого не должно казаться нам странным. Эта школа могла быть³³. Но была ли она на самом деле? От возможности до действительности ведь очень далеко. Как мы видели, единственным или во всяком случае главным источником, решающим вопрос о существовании в Москве в XVII столетии греческой школы, служит свидетельство Олеария, к разбору которого я и обращаюсь.

Выше уже говорено, что Олеарий несколько раз был в России и в последний раз, в 1643 году³⁴; поэтому можно бы было думать, что приводимые в *Reisebeschreibung* фактические данные во всяком случае не могут быть относимы ко времени позднее этого года (1643). Но это, как сейчас увидим, несправедливо. В описании его путешествия (мы будем цитировать полный русский перевод его, сделанный г. П. Барсовым) упоминаются как события 1643 года (с. 119, 142, 166, 181, 197, 333 и 1033) и раннейшие, так и позднейшие. Так он говорит о запрещении торговать в России табаком, последовавшем в 1644 г. (с. 183); о смерти царя Михаила – 12 июля 1645 г. (с. 241); о свадьбе царя Алексея, бывшей в 1647 году (с. 266); об Уложении царя Алексея 1648 – 1649 гг. (с. 297); о бунтах Московском 1648 г. (с. 270) и Псковском 1649 года (с. 280); о перенесении мощей святителя Филиппа из Соловецкого монастыря в Москву в 1652 году (с. 114, 338; также о событии 1652 г. на стр. 138), о ссылке в Сибирь протопопа Логина в 1653 г. (с. 327). В четырех местах описания своего путешествия Олеарий говорит о событиях 1654 года (с. 43, 116, 139, 338) и в двух местах о событиях 1655 года (с. 105, 308). Царя Михаила Олеарий в четырех местах называет прежним, умершим царем (с. 108, 124, 191, 344), а царя Алексея теперешним (с. 227, 242, 256); в двух местах упоминает о патриархе Никоне (с. 108, 348). Кроме этих мест, в которых указан или известен год, к которому эти места относятся, у Олеария весьма вероятно находится немало и таких мест, которые относятся ко времени позднему, чем 1643 год, но не имеют подобных хронологических указаний. Дело в том, что второе и последующие, обыкновенно перепечатаваемые и переводимые с него, издания *Reisebeschreibung* Олеария сравнительно с первым изданием являются значительно дополненными особенно известиями о событиях последующего времени, которые (известия) не могли войти в первое издание. В предисловии ко второму изданию сам Олеарий говорит, что он согласно желанию издателя

перед печатанием пересмотрел свой труд, исправил и дополнил его. Об этом, т. е. что второе издание описания путешествия Олеария было им исправлено и дополнено, свидетельствует и заголовок его: *Vermehrte Neue Beschreibung der Moskowitischen und Persischen Reise, so durch Gelegenheit einer holsteinischen Gesandtschaften dem Russischen Zaar und Konig in Persien geschehen, welche zum andermahl gibt Adam Olearius Ascanius* и пр. т. е. «Дополненное новое путешествие в Московию и Персию, совершенное при Голстинском посольстве, отправленном к русскому царю и Персидскому шаху, вторично издаваемое, Адамом Олеарием».

В самом описании путешествия Олеария (2-е издание) находятся указания на время присоединения им добавочных статей, а также и на источник, из которого почерпнуты им все эти дополнительные сведения. Именно в начале, в первой книге Олеарий пишет: «главный переводчик царский еще и теперь т. е. в 1654 году жив» (с. 43), а далее страниц чрез 60 – «с прошлого 1654 года» (с. 105), через 200 страниц после этого свидетельства «лет шесть тому назад именно в 1649 году» – следовательно в том же 1655 году (с. 308); «года два тому назад» протопоп Логин был сослан в Сибирь (с. 327... Он был сослан в 1653 г., следовательно разумеется опять 1655 год) и др... Судя по этим отметкам, можно думать, что добавления для второго издания описания путешествия Олеарием в конце 1654 года только начаты были, а главным образом они сделаны были в 1655 году. Что касается источника, из которого Олеарий почерпал сведения для своих добавочных замечаний, когда он жил в Голштинии и следовательно не мог наблюдать за жизнью русского общества по возвращении из своего путешествия в Московию и Персию, то этот источник указывает сам Олеарий в одном месте описания своего путешествия. Это «частью его соотечественники, несколько лет уже прожившие в Москве, частью же сами москвитяне, которые в прошедшем году (1654), – говорит Олеарий, – жили у нас в Голштинии несколько времени при поимке пленника их ложного Шуйского (Тимошки Анкундинова) и с которыми я ежедневно виделся и беседовал» (с. 113).

Таким образом то, что находится во втором и последующих изданиях описания путешествия Олеария, не все относится к раннейшему времени, к тридцатым и к началу сороковых годов; в этих изданиях находится много такого, чего нет в первом издании, что может относиться уже к позднейшему времени к концу сороковых и к пятидесятым годам. Свидетельство Олеария о школе Арсения грека в том виде, как я его привел вначале, читается во втором и третьем изданиях; но быть может это свидетельство Олеария в *первом* издании иначе читается или даже

быть может его и совсем нет в этом издании? Быть может оно принадлежит к числу тех дополнений, которые сделаны Олеарием в 1654 и 1655 годах? У историков мы встречаем ссылку на *первое* издание «Reisebeschreibung изд. в Шлезвиге 1647, с. 280», но не ошибка ли это? Действительно ли есть в первом издании Reisebeschreibung Олеария это свидетельство его о школе Арсения грека?

В библиотеке Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел находится экземпляр первого издания описания путешествия Олеария, изданного в Schleszwig bey Iacob zur Glocken, im Jahr 1647 (№ 1333 in 4⁰), который следовательно может разрешить наше недоумение³⁵. Страница 280, на которую все историки указывают, как на содержащую известие Олеария о школе Арсения грека, начинается следующими строками: auch baten, und wider den Schimpff, der dem Sultan hierdurch wiederfahren wurde protestireten, es wurde dem Sultan auch kein gegen Praesent gethan, welches in Persien wie auch zum theil in Ruszland gebräuchlich. Wir verspurten hernach dasz der Sultan uns in allen zu wieder und an unser Reise mehr ver hinderung als beforderung that. Den 22 dieses schickten die Gesandten Franciscum Murrern Mundschencken mit unsern Persischen Dolmetsch Rustan und einen Lackeyen nach Schamachie zum Chan oder general-gubernatorn über die gantze Provintz Schirwan, unsere Ankunfft zuberichten, und um Mittel zum schleunigen Fortzug anzuhalten» и т. д... Это то же самое, что в русском переводе П. Барсова излагается на стр. 513 – 514: «и сколько ни защищались они против брани, разразившейся по этому случаю над султаном; ему даже не было послано и никакого ответного подарка, что в обычае в Персии и в России. Впоследствии мы узнали, что султан за это во время нашего путешествия во всем старался более мешать нам, чем содействовать. 22 числа посланники отрядили трех человек из сопровождавших их в Шемаху к хану или главному правителю всей области Ширванской известить об их приезде и с просьбою о доставлении им средств к скорейшему продолжению их пути» и т. д. В этом месте описания своего путешествия Олеарий, покончивши с повествованием о Московии и о путешествии по ней, рассказывает о путешествии в Персию и о событиях, случившихся с ними во время этого путешествия (рассказ об этом путешествии начинается со стр. 389 по переводу П. Барсова), и именно о прибытии в Шемаху и о неудовольствии одного из членов голштинского посольства Бругмана на присланный ему Дербентским правителем подарок – лошадь, которая оказалась плоше другой, присланной его товарищу и пр. пр. И рассказ Олеария на всей этой странице, равно как и на ближайших и на дальнейших, относится, как я

сказал, к событиям из этого путешествия. *На всей этой 280-й странице первого издания Олеарий ни одного слова не говорит ни вообще о русских училищах и школах, ни в частности о школе Арсения грека.*

Но быть может указание на 280-ю страницу первого издания описания путешествия Олеария – ошибка, опечатка или неточность? Быть может на какой-либо другой странице у Олеария в первом издании его *Reisebeschreibung* есть известное уже нам свидетельство его о греко-латинской школе Арсения грека? Быть может даже в той же 22-й главе, в которой он говорит о школах и училищах русских, но только на *другой* странице, не на 280-й?

Первое издание описания путешествия Олеария не имеет того деления на главы, которое находится во втором и третьем изданиях; оно подразделено только на несколько больших общих отделов. На странице 172-й первого издания начинается отдел «*von Religion der Russen*»³⁶, которому соответствует во втором и других изданиях несколько глав, начиная с XVI главы «О вере русских вообще и о происхождении ея» (в переводе П. Барсова со стр. 303) и кончая XXXIII-й. Первые 2¹/₂ страницы этого отдела в первом издании соответствуют XXI-й главе во втором издании, которая глава в этом издании изменена некоторыми вставками и сокращениями сравнительно с первым изданием. Вместо целой XXII главы второго издания «О русском письме, языке их и училищах», в которой содержится известие и о школе Арсения грека, в первом издании находятся (кроме русского алфавита) только следующие четыре строчки (стр. 174): «*Ihre Buchstaben und Schriften haben sie mit der Religion von den Griechen empfangen, welche sie theils corrumpiret, theils aber mit den Slavonischen litern vermehret haben. Und seynd die Characteres derselben hierbey im Kupffer abgebiedet, wie folget*». Эти строки во втором и третьем изданиях – только начальные строки XXII-й главы. В русском переводе П. Барсова они так читаются: «свои буквы и письмо Русские получили от греков вместе с верой, но частию исказили их, частию же дополнили некоторыми славянскими буквами и таким образом у них составились следующие буквы, которыя привожу здесь с обозначением произношения их»... Далее как в первом, так и во втором и других изданиях следует русский алфавит; вслед за которым во втором и последующих изданиях следуют остальные части этой 22-й главы, в том числе известие и о школе Арсения грека, а в первом издании вместо того вслед за алфавитом читаем: «*Das Geistliche Regiment, Consistorial – Sachen, und Gottesdienst werden regieret und verwaltet von einem Patriarchen, 4 Metropolitnen, 4 Ertzbischoffen nnd anderen gemeinen Bischoffen, Abten,*

Munchen und Popen oder Priestern, dieser seind so viel als Kirchen in Ruzsland.

Der Patriarch als das Oberhaupt ist vor diesem von den Metropolitenn, Ertzbischoffen und Bischoffen per vota erwehlet, vom Groszfursten confirmiret und von den Patriarchen zu Constantinopel eingesalbet worden. Dieser aber ist per fortem erwehlet und von der Clerisey in Muszcow eingemeihet. Er ist nur ein Abtim Kloster gewesen und unter andern pro forma mit vorgeschlagen und in die Wahl gezogen worden» п пр. Все это входит во втором и следующих изданиях в состав 29-й и других глав, где оно распространено еще различными добавлениями. Среди *всего отдела* «О религии русских», находящегося в первом издании на стр. 172 – 199, и в других частях III-й книги описания путешествия Олеария, равно как и в остальных книгах описания путешествия Олеария, нигде нет никакого упоминания о школе Арсения грека.

Итак, в *первом издании* (Шлезвигском 1647 года) описания путешествия Олеария *нигде ничего не говорится о греко-латинской школе Арсения грека.*

Во *втором* же издании описания путешествия Олеария, изданном в Шлезвиге же, но только в 1656 году, действительно находится и *именно на стр. 280-й³⁷* – известное уже нам свидетельство Олеария о школе Арсения грека, которое так читается в немецком подлиннике: «Sonst, weil die Russen, wie mehr erwehnet worden, in ihren Schulen nicht mehr als ihre und auff's hochste die Sclavonische Sprachschreiben und lesen lernen, verstehet auch kein Russe, er sey Geistlich oder Weltlich, hohes oder niedriges Standes Personen, nicht ein Wort weder Griegisch noch Lateinich.

Jetzund aber wollen, sie, welches zu verwundern, auff des Patriarchen und Grossfursten gut duncken, ihre Iugend dahin halten, dass sie die Griegische und Lateinische Sprache lernen sollen Haben auchalebereit, neben des Patriarchen Hoff, eine Lateinische und Griegische Schule angerichtet, woruber ein Greiche, Nahmens Arsenius die Aufsicht und Verwaltung hat». Точно также без какой бы то ни было перемены и на той же 280-й странице читается это свидетельство и в третьем издании Шлезвигском 1663 года. Таким образом свидетельство Олеария о школе Арсения грека принадлежит к числу тех дополнений, которые сделаны Олеарием в 1654 и 1655 годах для второго издания описания своего путешествия в Московию и Персию.

Что касается того обстоятельства, что у всех историков (за исключением разумеется Колосова и митропол. Макария) цитируется *первое* издание (Шлезвиг, 1647 г.), то это объясняется очень просто. До А.В. Горского цитата свидетельства Олеария была не полна: не была

указываемая страница описания путешествия Олеария, на которой он говорит о школе Арсения грека; обыкновенно указывалось только сочинение Олеария с обозначением года его издания (1647 г.); иногда же не делалось и этого. Очевидно, что никто из писателей не читал в подлиннике свидетельства Олеария, а брал сведения о нем из вторых рук. А.В. Горский первый указал страницу описания путешествия Олеария, на которой тот говорит о школе Арсения грека, а у него стали заимствовать это указание и другие историки, не обращаясь за проверкой к подлиннику. Но и А.В. Горский также не читал свидетельства Олеария в подлиннике³⁸. Цитируя «Reisebeschreibung Олеария, изд. в Шлезвиге 1647 р. 280», он рядом ставит «Strahl, Gelehrt Russland, с. 200» и тем показывает, откуда им взята предыдущая цитата. Strahl, сообщая об Арсении греке (р. 199 – 205) то же, что и митрополит Евгений, в примечании (19-м на р. 200) к свидетельству Олеария говорит: «in der Folio-Ausgabe dieser Reisebeschreibung, gedruckt zu Schleszwig 1647 s. 280 heisst es: «jetzund aber wollen sie» и т. д. (приводится самое свидетельство Олеария). Таким образом отсюда от Strahl заимствовано А.В. Горским указание и на страницу, и на издание описания путешествия Олеария. Неверным указанием Strahl был введен в заблуждение А.В. Горский, а через него и остальные писатели, поверившие цитате такого ученого и авторитетного лица, как А.В. Горский. Таким образом Strahl – виновник неправильной цитаты свидетельства Олеария у всех наших писателей.

Теперь к какому же году должно отнести свидетельство Олеария? Что он понимает под «настоящим временем», в которое открыта греко-латинская школа Арсения грека? Решение этого вопроса находится в большой зависимости от решения другого вопроса: кого Олеарий понимает под «Арсением греком»?

Совершенно ошибочно думали некоторые наши писатели, подразумевая под Арсением греком Олеария, – Арсения Глухого. Ошибочно потому, что Олеарий совершенно ясно называет этого учителя греком, а Арсений Глухой, как известно, был природный русский. Таким образом считать Арсения Глухого учителем греко-латинской школы никоим образом нельзя. Учителю этой школы Олеарий приписывает два, хотя и не весьма существенных, признака: во-первых, что он грек и во-вторых, что его звали по имени Арсением. Итак, вопрос сводится к тому, какого грека Арсения³⁹ Олеарий понимает?

В своем Reisebeschreibung Олеарий очень подробно описывает все то, что он видел и слышал; а его наблюдения, как известно, были очень обширны и касались не только крупных явлений в жизни русского

общества, но даже и мелких, не выделяющихся резко из среды других явлений, не заставляющих обращать на себя особенное внимание. Олеарию далее известны не только прежние события, но и случившиеся сравнительно в недавнее время, даже события современные ему; так еще в первом издании описания его путешествия находятся данные, свидетельствующие о том, что Олеарию известны события русской истории тридцатых и начала сороковых годов XVII столетия. Если теперь мы у него в первом издании описания путешествия не находим никаких сведений о школе Арсения грека, то это уже может служить свидетельством того, что этой школы тогда еще не было. В самом деле, чем иначе объяснить это молчание Олеария? Если он говорит и о мелких событиях, событиях не большой важности, то как он мог опустить, ничего не сказать в первом издании о таком выдающемся, удивлявшем его самого, явлении в жизни русского общества, как открытие или существование в Москве греко-латинской школы, если бы она была в то время? Поэтому из молчания Олеария о школе Арсения грека в первом издании описания путешествия следует вывод, что школы Арсения грека в то время еще не было, что она открыта уже после выхода первого издания (1647 года) этого описания путешествия Олеария в Московию и Персию. Другое основание это мнение встречается в том обстоятельстве, что дополнения, внесенные Олеарием во второе издание описания путешествия, почти все касаются новейших событий (1647 – 1655 гг.), происшедших в период времени после появления первого издания описания путешествия Олеария. Поэтому можно думать, что и свидетельство Олеария о школе Арсения грека принадлежит тоже к новейшему времени – годам 1647 – 1655. Если теперь греко-латинская школа открыта за период времени 1647 – 1655 гг., то к числу признаков учителя ее мы можем присоединить еще один. Учителем ее должен быть тот грек Арсений, который жил и действовал в Москве в середине XVII столетия, около 1647 – 1655 гг. Таким образом ряд возможных учителей новой школы еще более суживается.

Как уже говорено выше, у нас в XVII веке приобрел громкую известность, благодаря своему участию в событиях жизни русской церкви за это время, один грек по имени Арсений, которого современники так и звали «Арсением греком» и за которым это имя осталось и во всех письменных памятниках. Современники, поступая так, быть может, желали отличить его от других деятелей Арсениев, бывших в то время в Москве, – киевлянина Арсения Сатановского и Арсения Суханова. Этот Арсений грек, приехав в Москву в числе свиты иерусалимского патриарха Паисия, был оставлен в Москве именно для «риторского учения» и

занимался этим делом еще до своей ссылки в Соловки.

«Как де был на Москве, – говорил в 1650 году Степан Олябьев, один из числа Московской учащейся молодежи, – Арсений грек, которого сослали на Соловки, и он Степан хотел было учителя по латыни»; как сослали его, он *перестал учителя и азбуку изодрал*⁴⁰. Этот Арсений грек занимался педагогической деятельностью в Москве и по возвращении из Соловок. Протопоп Московского Казанского собора Иван Неронов в 1655 году говорил патриарху Никону: «ты его (Арсения грека) взял из Соловецкого монастыря на смуту и устроил того яко *учителя*, паче же к тиснению печатному правителя»⁴¹. В 1657 году брат Арсения грека на обычном допросе в Путивле показал, что едет в Москву с своими старцами «по письму родного брата своего старца Арсения, который *учителем* на печатном дворе у патриарха Никона»⁴². Кроме того и другие современные свидетельства не оставляют сомнения в том, что известный деятель Никонова времени Арсений грек в бытность свою в Москве по возвращении из Соловок занимался и педагогической деятельностью. По моему мнению, этого именно Арсения грека и разумеет Олеарий; т. е. Арсений грек, учитель греко-латинской школы, о котором говорит Олеарий, есть известный деятель времени патриарха Никона Арсений грек.

Теперь – когда же открыта греко-латинская школа этого Арсения грека?

Арсений грек приехал в Москву 26 января 1649 г. и все время пребывания в Москве патриарха иерусалимского Паисия числился в числе свиты патриаршей и даже вместе с прочими членами ее получил как «установщик» патриарший на прощальной аудиенции, данной царем патриарху, «царское жалованье». Быть может Арсений грек уже и в это время занимался учительством⁴³; положительные же данные свидетельствуют только о занятиях его со времени отъезда патриарха Паисия из Москвы. Ссылка в Соловки прекратила эти занятия, которые возбудили оживленные, горячие толки в Москве. (См. дело, указанное в прим. 32). Но мне думается, не об этой школе или, точнее говоря, не об этом периоде школьной деятельности Арсения грека говорит Олеарий. Если бы Олеарий разумел это время, т. е. 1649 год, то он к своему известию о школе Арсения грека присоединил бы рассказ и о печальной участи, постигшей школу, и о ссылке ее учителя Арсения грека в Соловки. Сделать это для Олеария было совершенно естественно и даже необходимо. Эти дополнительные сведения послужили бы так сказать иллюстрацией к тому явлению, которое немало удивляло самого Олеария;

а относительно возможной известности их Олеарию не может быть и речи. Между тем Олеарий ничего ни слова не говорит об этом; никакой другой причины нельзя подыскать этому обстоятельству, кроме той, что он говорит о педагогической деятельности Арсения не до ссылки в Соловки, а в последующее время. Весьма сомнительно также, чтобы в какие-нибудь полтора месяца могла быть «учреждена» (т. е. выстроена, устроена?) особая школа, как выражается Олеарий. По моему мнению, Олеарий понимает ту греко-латинскую школу, которая была открыта Арсением греком уже по возвращении из Соловок. Совершенно точно время этого возвращения Арсения грека из Соловецкого монастыря неизвестно. Арсений грек из Москвы был послан под начал в Соловки 27 июля; 28 августа его отпустили с Двины в монастырь, так что к началу нового 7158 года Арсений был уже в Соловках⁴⁴. По сказанию Соловецких старцев, Арсений грек пробыл в Соловках «два года в добром послушании у инока Никодима», т. е. 158 и 159 года, а в великий пост третьего года 160-го был причащен св. Таин, т. е. в феврале-апреле 1652 года. А когда Никон митрополит Новгородский, говорят раскольнические писатели⁴⁵, возвращался из Соловецкого монастыря с мощами святителя Филиппа в Москву, то взял с собою из Соловок Арсения грека. Из Соловецкого монастыря Никон, как известно, выехал 10 июня 1652 года и 6 июля прибыл в Москву⁴⁶. Известные мне исторические сведения о пребывании Арсения грека в Москве по возвращении из Соловок начинаются только со второй половины следующего 1653 года.: «Августа 27 дня 161 года (т. е. 1653 г.), – читаем в расходной книге патриаршего казенного приказа, – старцу Арсению греченину за три пера лебязьких, да за полфунта орешков чернильных, да за полфунта камеди, да за купорос, что он купил в Борисовскую золотую палату писать книги греческие Государю патриарху десять алтын»⁴⁷. «9 мая 162 года (т. е. 1654 г.), – читаем в другой такой же книге, – Арсению греку, который сидит у книжной справки и переводит книги с греческой грамоты на русскую в Приказ – десять рублей»⁴⁸. С 1-го марта 1654 года Арсений грек уже получает Государево жалованье, как справщик на Московском Печатном Дворе⁴⁹. Таким образом Арсений грек, если не с митрополитом Никоном в половине 1652 года возвратился в Москву, то в этом или следующем году и во всяком случае в августе месяце 1653 года уже был в Москве. Следовательно и его греко-латинская школа могла быть открыта не ранее этого времени. Период возможного открытия ее таким образом сводится ко времени с июня 1652 или августа 1653 по 1655 год.

Как известно, в половине XVII столетия «ради научения славяно-

российского народа детей еллинскому наказанию» (Евгения митр. Словарь духовных писателей I, с. 178) были вызваны в Москву Киевские ученые и в том числе Епифаний Славинецкий, который, по мнению А.В. Горского, был начальником патриаршего училища, а Арсений грек был его помощником в этом деле. К сожалению, и «Житие Ртищева», и историческая записка о переводе Епифанием Библии с греческого языка, напечатанная митрополитом Евгением в словаре писателей духовного чина (ч. I. с. 178–183), из которых обыкновенно почерпаются сведения о вызове киевлян в Москву и их деятельности здесь, ограничиваются сообщением весьма кратких сведений, в числе которых мы совсем не находим каких-либо точных хронологических данных относительно педагогической деятельности киевлян в Москве; и о самой деятельности находим столь краткие известия, что из них ничего нельзя вывести для более точного определения года открытия школы Арсения грека. Единственный материал для решения этого вопроса доставляет нам *Reisebeschreibung* Олеария.

Добавление к первому изданию описания путешествия Олеария относительно греко-латинской школы Арсения грека сделано Олеарием в 1655 году, потому что, как я говорил, Олеарием в 1654 году добавления к первому изданию его *Reisebeschreibung* только начаты были, а главным образом они сделаны были в 1655 году; к тому же соседние добавления чрез одну только страницу несомненно сделаны в 1655 году. Если же Олеарий пишет добавления о школе Арсения грека в 1655 году, то под «настоящим временем», как он выражается, должно разуметь, если не 1655-й год, то во всяком случае год близкий к 1655-му, тем более, что в других местах своего *Reisebeschreibung* 2-го издания Олеарий, употребляя подобные же выражения «теперь», «в настоящее время» и др., везде понимает время, в которое он писал свои добавления, т. е. 1654–1655 года. В 1654 году Олеарий «ежедневно виделся и беседовал» с москвичами, посланными для поимки Тимошки Анкудинова. Мне думается, что во время этих бесед Олеарий и получил сведения об открытии в Москве школы Арсения грека, которая, следовательно, открыта ранее, т. е. в 1653 году. Далее. Олеарий говорит, что школа учреждена «*близ патриаршего двора*», т. е. где же? В зданиях ли патриаршего двора или вне их наприм. в Чудове монастыре. *Если* на патриаршем дворе, то вероятнее, что она открыта в 1653 году, потому что в этом году на нем были выстроены новые обширные хоромы, в которых могла найти себе помещение и школа Арсения грека⁵⁰. Основываясь на всем этом, я и предполагаю, что она открыта именно в 1653 году.

И так заключительные выводы, к которым я пришел, будут следующие: 1) мнение некоторых наших историков, повторенное в прошлом году И.Е. Забелиным, о существовании в Москве греко-латинской школы Арсения грека при патриархе Филарете – есть мнение неверное, ложное, ни на чем основанное; никакой греко-латинской школы ни Арсения грека, ни Арсения Глухого при патриархе Филарете в Москве не существовало, и та страница в истории нашего просвещения, на которой говорилось об этом, должна быть совсем вырвана, уничтожена. 2) Греко-латинская школа Арсения грека, о которой говорит Олеарий во *втором* издании описания своего путешествия (изд. в Шлезвиге в 1656 году) на стр. 280, открыта при патриархе Никоне в промежуток времени 1653 – 1655 гг., – вероятнее всего в 1653 году.

Примечания

¹ - «Подробное описание Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 гг., составленное Адамом Олеарием». Перевод П. Барсова, изданный обществом Истории и Древностей Российских. М. 1870 г. стр. 310. Как известно, описание путешествия Олеария при жизни его самого было издано на немецком языке в Шлезвиге три раза в 1647, 1656, 1663 гг. Перевод Барсова сделан с 3-го издания 1663 года. В переводе А. Михайлова (одной третьей книги описания путешествия Олеария), сделанном со второго издания 1656 г., данное место так читается: «в прежние времена русское юношество обучалось в школах своих писать и читать на русском, более же на славянском языке; никто из них, принадлежал ли он к духовному или светскому, высшему сословию или низшему не знал ни одного, ни греческого, ни латинского. Теперь же весьма многие из русских, с одобрения государя и патриарха, желают, чтобы дети их обучались греческому и латинскому языкам. Уже учреждена подле патриаршего двора греко-латинская школа, состоящая под управлением и надзором одного ученого грека по имени Арсений». (Перевод напечатан в «Архиве историко-юридических и практических сведений», изд. Н.В. Калачовым за 1859 г. кн. 3 – 6. О школе Арсения грека в VI кн. стр. 1).

² - Ни Стриттер, ни Болтин, ни Щербатов, ни Манкеев (в «Ядре») – никто ничего не говорит о школе Арсения грека. Точно также ничего не говорит и Татищев в своей истории; а в «Разговоре о пользе наук и училищ» находим следующие недостаточно ясные сведения по этому вопросу: «Видим, – говорит он, – Михаила и Леонтия, первых русских митрополитов, Иова первого, а по нем Филарета патриархов, яко мужей искусных, благочестивых и пользу государства более оных разумеющих, как в Киеве, так в Москве школы для учения греческого и латинского языков устроили; да и Никон Московскую школу в лучшее состояние привести прилежал, чтобы попов иметь ученых, которая хотя весьма в худом от искусства или нерадения начальников состоянии находится, однакож содержится и чаятельно впредь лучшую пользу от оных иметь». Кажется, Татищев представляет дело так, что греко-латинская школа в Москве была открыта еще патриархом Иовом, что эта школа существовала и при патриархе Филарете или им была открыта новая подобная школа и что школу, открытую патриархом Филаретом или Иовом, патриарх Никон «в лучшее состояние привести прилежал» и пр. См. Чтения в

Императорском Обществе Истории и Древностей Российских за 1887 г. кн. I, стр. 97. Разговор Татищева, изданный Нил. Алек. Поповым.

³ - Ч. I, стр. 418. М. 1807 г. В «Краткой церковной Российской истории» (М. 1805 г. и М. 1823 г.) митрополита Платона и в «Истории Российского государства» Н.М. Карамзина ничего не говорится о школе Арсения грека; равно как ничего не сообщается о ней в «Истории Российской церкви» А.Н. Муравьева (Спб. 1838 г.); в «Повествовании о России» Арцыбашева (ч. III, стр. 439 и след. глава «О просвещении». М. 1843 г.) и в «Словаре достопамятных людей Русской земли» Д. Бантыш-Каменского (М. 1836 г. и Спб. 1847 г.), вышедших после труда митр. Евгения.

⁴ - Цитата: «Adam Olearius ausführliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Moscov und Persien». Напечатано в Шлезвиге 1647.

⁵ - 1-ое издание Спб. 1818 г. стр. 41 – 42. Изд. 2-ое, Спб. 1827 г. стр. 48 – 50.

⁶ - Греческие дела М. Г. А. М. И. Д. Кар. 35, д. № 7. Содержание этого дела изложено: а) у митрополита Макария в XII томе «Истории русской церкви» (Спб. 1883 г.) стр. 155 – 165; 2) у Н.Ф. Каптерева: б) в статье «Следственное дело об Арсении греке» (Чтения в обществе любителей духовного просвещения 1881 г. Июль стр. 70 – 96); в) в исследовании «Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII вв». М. 1885 г. стр. 207 – 217 и в «Чтениях в обществе любителей духовного просвещения» и г) у В. Колосова в статье «Старец Арсений грек» (Журнал Министерства Народного Просвещения за 1881 г. кн. Сентябрь). 18 мая 1647 года приезжал в Путивль какой-то греческий черный поп Арсений; но он, не дождавшись разрешения ехать в Москву, должен был воротиться назад домой. Греческие дела кар. 31, д. № 23.

⁷ - Вероятно здесь митрополит Евгений понимает известное сказание о пребывании Арсения грека в Соловецком монастыре, составленное старцами сего монастыря. Оно издано Ф.А. Терновским по одному из лучших списков этого сказания, находящемуся в рукописи Соловецкого монастыря (ныне Казанской духовной Академии) № 1007 (897), в сочинении «Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси» ч. II, стр. 83 – 87. В одной из рукописей Румянцевского музея (№ 376 л. 275 об. и след.) вслед за этим сказанием следуют различные выписки из Проскинитария Суханова.

⁸ - Изд. 1. Спб. 1844 г. стр. 14, 174, 189. Изд. 2. Спб. 1847 г. стр. 28 – 29, 192. В своей «Истории о расколах в церкви Российской» (Спб. 1849 г.)

преосвященный Игнатий, говоря об исправлении требника при патриархе Филарете, выражается так: «в сотрудики архимандриту Дионисию назначены были монахи его монастыря Арсений грек, по прозванию Глухой, и пр...» См. стр. 132; также 139. В другом месте он говорит, что при патриархе Никоне был вызван из Соловок «природный грек иеромонах Арсений, прибывший с патриархом Паисием из Афона и бывший впоследствии начальником первых училищ у нас в Москве». См. стр. 178. Недостаточно ясна возможность существования в одном и том же труде этих двух заметок.

⁹ - Считаю не лишним заметить, что у арх. Амвросия и у митрополита Евгения не было указано, где именно, на какой странице своего описания путешествия Олеарий говорит о школе Арсения грека, так что у А.В. Горского у первого появляется это указание, которое у него заимствуют все остальные писатели. Сочинение Strahl Ph. Das gelehrte Russland (Leipzig 1828) представляет из себя ни что иное, как перевод на немецкий язык словаря митрополита Евгения «О писателях духовного чина» (СПб. 1818). Хотя переводчик в предисловии и говорит (стр. XIX), что его «труд нельзя назвать буквальным переводом, что уже заметно при беглом сравнении; некоторые части как напр. Кирилл, Никон, Феофан Прокопович и т. д. совсем переработаны, в другие прибавлено новое и все сочинение чрез эти изменения, а также и чрез приложенный указатель сделалось более полным и удобным для употребления», но на самом деле его труд – буквальный перевод словаря митрополита Евгения с весьма ничтожными изменениями. Даже те статьи, которые он считает «переработанными», как напр. статья о патриархе Никоне не представляет ничего нового сравнительно со словарем митрополита Евгения; переработка коснулась только иного распределения материала, находящегося у митрополита Евгения. Действительная разница между трудом Strahl и словарем митрополита Евгения – в системе расположения материала. Митрополит Евгений, как известно, держится алфавитного порядка, тогда как Strahl – хронологического, того же, который принят Филаретом архиепископом Черниговским в его «Обзоре русской духовной литературы». Это сочинение Strahl есть в библиотеке Московской духовной Академии.

¹⁰ - 1-е изд. Рига 1847 г. т. IV, стр. 113 – 114. 2-е изд. М. 1850 г. т. IV, стр. 154. 3-е изд. М. 1857 г. стр. 104. 4-е изд. Чернигов 1862 г. т. IV, стр. 104.

¹¹ - Истина Соловецкой обители. 1-е изд. Сиб. 1844 г. стр. 15, 174, 189.

¹² - 12 августа 1845 г. Филарет писал А.В. Горскому: «Вчера получил, вчера и ныне читал статью вашу об училищах XVII столетия. Она – прекрасна. Пишите, пишите поболее таких статей... Она так богата новыми сведениями, почти что ни строка, то новость... Знаете ли что? Не отыщите ли чего-нибудь в дополнение? Вы сами говорите, что там и здесь остается кое-что неясным, неизвестным. Дополнение напечатайте как дополнение. Было бы прекрасно. Поверьте, за каждую строку будут вам благодарны многие, как и я грешный. Вы, как кажется, думаете, что то и другое известно, то и другое уже знают; зачем говорить об известном? Напрасно. Сколько людей у нас с познаниями? Немного... Обочтешься на трех...» См. «Прибавления к творениям св.отцев» за 1885 г. кн. III, стр. 97 – 98. В остальных письмах ничего нет по нашему вопросу. Ibidem за 1883 г. кн. I; за 1884 г., кн. 2, за 1885 г., кн. 3 и 4. Пример своеобразного толкования Филаретом Черниговским свидетельства Олеария увлек некоторых лиц до того, что они стали считать Арсения Глухого природным греком. См. Игнатия Воронежского «Историю о расколах в церкви Российской» 1849 г. стр. 132. Филарет в своем «Обзоре русской духовной литературы» ничего не говорит о школе Арсения грека ни под словом Арсений грек, ни под словами Арсений Глухой, патриарх Филарет. См. Ученые записки II отделения Императорской Академии наук СПб. 1856 г., кн. III стр. 215, 217, 236 – 237. Харьков 1859 г. стр. 311 – 313, 308 – 309, 341 – 342. 4-ое изд. Тузова. СПб. 1884 г., стр. 219 – 221, 239 – 240.

¹³ - Издание Воскресенского монастыря М. 1879 г. стр. 37 – 38. Цитата также Reisebeschreibung, издан. в Шлезвиге 1647 г. стр. 280. То же мнение высказано М. Чистяковым в статье для нашего времени значительно устаревшей «Деятельность православного духовенства в отношении к расколу» (Православное обозрение 1887 г. кн. V – VI стр. 245) и Н.А. Лебедевым автором плохого в научном отношении сочинения «Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 год». Изд. 2-ое, СПб. 1875 г. стр. 29 – 30.

¹⁴ - Казань. 1870 г. с. 252, 296. В последнем же издании (Казань 1886 г. стр. 246) он говорит только о школе Иосифа и ничего не говорит о школе Арсения грека или Арсения Глухого при патриархе Филарете. В другом своем труде «Духовные школы в России до 1808 года» П. Знаменский также ничего не говорит о школе Арсения грека, а в одном месте выражается, что просветительное движение в Московском государстве возбудилось в половине XVII столетия (с. 4 – 5). Автор труда «Раскол

обличаемый своею историей» (Изд. 2. СПб. 1854 г.) кратко говорит, что Арсений грек пришел в Москву в 1649 г. и основал в Москве первое училище духовное (с. 61).

¹⁵ - Журнал Министерства Народного Просвещения за 1878 г. Июль с. 1 и след.

¹⁶ - Цитирует русский перевод г. П. Барсова.

¹⁷ - Не совсем ясна фраза г. Мирковича: «Арсений грек заведовал тем училищем, о котором упоминает Олеарий, тем более, что Олеарий в 40-х годах XVII века был в Москве».

¹⁸ - В своей обличительной ревности г. Миркович совершенно несправедливо говорит, что 1) А.В. Горский и С.К. Смирнов смешивают Арсения грека с Арсением Глухим и 2) А.В. Горский смешивает еще Арсения грека с Арсением Сухановым. На самом деле ничего подобного нет – в следующих сочинениях о древнерусском образовании ничего не говорится о школе Арсения грека: 1) Н.А. Лавровского – О древнерусских училищах. Харьков. 1854 г. 2) Куприянова – Заметка для истории просвещения в России. С.-Петербургские Ведомости. 1855 г. № 163. 3) Руднева – О воспитании в России в XVI и XVII вв. Библиотека для чтения. 1855 г. № 8 с. 131 – 136. 4) Мордовцева – О русских школьных книгах XVII века. М. 1862 г. и 5) Забелина – Характер древненародного образования в России. Отечествен. Записки. 1856 г. № 3.

¹⁹ - В своей «Истории раскола» митрополит Макарий ничего не говорит о школе Арсения грека.

²⁰ - Мнение г. Забелина, не знакомого с положением нашего вопроса в науке русской истории, я не принимаю в расчет как ненаучное.

²¹ - М. Г. А. М. И. Д. Греческие дела. К. 15, д. № 2.

²² - М. Г. А. М. И. Д. Греческие дела. 7142 г. дек. 18 д. к. 15 д. № 1 – Никаких других сведений нет, кроме вышеизложенных, об Иосифе и его занятиях в Москве.

²³ - Ibidem. Кар. 16. д. № 10.

²⁴ - Ibidem. Кар. 15. д. № 5.

²⁵ - Ibidem. 7142 г. дек. 18 д. к. 15. д. № 1.

²⁶ - Акты южной и западной России т. III, № 33. с. 39. В докладе царю по поводу приезда в Москву посланного с этой грамотой было написано и об этом желании Петра Могилы – основать в Москве монастырь для Киевских старцев, но со стороны царя не последовало на это никакого решения, хотя все другие просьбы и желания Петра Могилы царем были

исполнены. Акты южной и западной России. Т. III. № 44 с. 47.

²⁷ - На челобитной помета: «Государю чтено».

²⁸ - М. Г. А. М. И. Д. Греческие дела, к. 27. д. № 32.

²⁹ - Ibidem св 24. д. № 15.

³⁰ - 29 ноября 1646 года он уже в Яссах *ibid.* св. 26/а д. № 15.

³¹ - Ibidem 7157 г. д. № 24. к. 36.

³² - Греческие дела 7161 г. св. 31/а д. № 5.

³³ - То, что не сохранилось документальных сведений об этой школе, подобных вышеприведенным, не может служить свидетельством против существования ее при патриархе Филарете: о многом мы имеем единичные только свидетельства.

³⁴ - О том, что он в этом году был в Московском государстве мы узнаем из заметок в разных местах его книги см. напр. стр. 119, 166, 1033 по русскому переводу П. Барсова.

³⁵ - Экземпляры первых трех изданий, а также и других, есть и в Московской Румянцевской библиотеке.

³⁶ - Сведения о самогитах и самоедах, находящиеся в первом издании в конце отделения «*von Religion der Russen*», во втором издании перенесены в начало III-й книги описания путешествия Олеария. Изменения сделаны Олеарием и в распределении бояр по их значению в 30 – 40 годах и в 50-х гг. В первом издании они – в одном порядке, во втором совсем в другом.

³⁷ - Экземпляр этого издания есть в Московской Чертковской библиотеке.

³⁸ - В библиотеке Московской Духовной Академии нет первого (1647 г.) издания описания путешествия Олеария.

³⁹ - Считаю нужным опять напомнить, что греков Арсениев может быть множество.

⁴⁰ - М. Г. А. М. И. Д. Приказные дела 1650 г. апреля 3 дня, св. 246 (417) д. № 31. Содержание этого дела изложено у митрополита Макария в его «Истории русской церкви» т. XI. с. 134 – 136 и у Соловьева в X томе «Истории России», с. 168.

⁴¹ - Материалы для истории раскода Н.И. Субботина т. I. с. 150 – 151.

⁴² - М. Г. А. М. И. Д. Греческие дела св. 35. д. № 15.

⁴³ - Едва ли Олеарий об этих частных занятиях Арсения грека мог говорить в тех выражениях, в которых он говорит.

⁴⁴ - М. Г. А. М. И. Д. Греческие дела к 37 д. № 33; к. 35 д. № 7; к. 61 д. № 34.

⁴⁵ - Савва Романов. См. Летописи русской литературы – Н.С. Тихонравова т. V, в. 1, с. 127.

⁴⁶ - См. статью П.Ф. Николаевского о путешествии Никона за мощами свят. Филиппа в «Христ. Чт.» 1885 г. Мр. – Апр. с. 324. Об Арсении греке здесь ни слова. См. также «Прав. Собеседник» за 1858 г. Ноябрь с. 339 и Материалы для истории раскола Н.И. Субботина – т. III, с. 273–274; VI, с. 16, 36.

⁴⁷ - Московский архив министерства юстиции. Кн. № 34.

⁴⁸ - Ibidem кн. № 34.

⁴⁹ - Приходо-расходные книги Московского печатного двора в библиотеке Московской Синодальной Типографии – кн. № 55.

⁵⁰ - «7162 г. сент. 31. Царь с синклитом обедал у святейшего Никона в патрирхии новые крестовые, что построил он Никон, и бысть новоселный стол». Рукопись академии наук № 19 в л. Летопись по 1676 г. – «Нынешний патриарх, говорит Олеарий, выстроил для помещения своего великолепнейший дворец, который разве немногим будет похуже великокняжеского». См. перевод П. Барсова, с. 108.

Содержание

Сергей Алексеевич Белокуров Адам Олеарий о греколатинской школе Арсения грека в Москве в XVII в.	1
Сергей Алексеевич Белокуров	
Примечания	29